

БИБЛИОТЕКА НЕПРАВИЛЬНЫХ ОТВЕТОВ

ИИ
Александр Лунарский

Александр Лунарский

Библиотека неправильных ответов

«Автор»

2026

Лунарский А.

Библиотека неправильных ответов / А. Лунарский — «Автор»,
2026

Что делать, если правильного ответа нет, а цена ошибки кажется слишком высокой? Лида ищет в каталоге «Гарантированные ответы» — и получает отказ. Зато рядом — библиотека неправильных ответов: истории о событиях, которых никогда не было, но в которых легко узнать себя. Эти истории не дадут инструкции — зато помогут отделить факты от догадок, увидеть мотивы, не оправдывая причинённый вред, и оценить цену решения. Чужую судьбу можно примерить, но нельзя принять за маршрут: обстоятельства, ресурсы и границы у каждого свои. Даже ошибка здесь не приговор, а повод спросить себя, что ещё можно изменить и какой шаг будет безопасным. Для тех, кто устал искать безошибочный совет и хочет лучше слышать себя. Эта книга не выдаст готовый рецепт — она поможет закрыть её с новым вопросом и правом выбрать заново. Книга создана с помощью ИИ. Обложка: GPT Image
- Лицензия

© Лунарский А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

События, которых не было, и жизнь, которая есть	6
Библиотека неправильных ответов: зачем нам вымышленные истории	10
Войти в чужую судьбу, не принимая её за инструкцию	15
Конец ознакомительного фрагмента.	19

Александр Лунарский

Библиотека неправильных ответов

Библиотека неправильных ответов

Александр Лунарский

События, которых не было, и жизнь, которая есть

Лида набрала в электронном каталоге: «Гарантированные ответы».

Компьютер подумал, щёлкнул вентилятором и сообщил, что ничего не найдено. Лида нажала поиск ещё раз, словно библиотечная техника могла передумать под давлением настоячивости.

— Даже здесь их нет? — спросила она.

За стойкой каталога библиотекарь подняла глаза. На её бейдже было написано «Марина Павловна». Она посмотрела на экран, потом на Лиду.

— Если бы были, их выдавали бы под расписку или без возврата?

— Я бы взяла под расписку, — сказала Лида. — И вернула, когда всё закончится.

Марина Павловна улыбнулась так, будто эту фразу слышала не впервые.

В библиотеке пахло бумагой, пылью и мокрой шерстью: за окнами моросил дождь, и посетители приносили его на плечах. В читальном зале шуршали страницы, кто-то негромко кашлянул, у принтера недовольно зажужжала бумага. Всё было обыкновенным: батареи, столы, стопка газет, женщина в красной шапке, которая искала расписание электричек. Никаких тайных дверей и книжных пророчеств. Только полки и люди, которым иногда нужно посидеть в тишине рядом с чужими словами.

— А что именно должно закончиться? — спросила библиотекарь.

Лида посмотрела на экран. В строке поиска по-прежнему стояло: «Гарантированные ответы».

— Завтра разговор с сестрой. Надо решить, как сказать ей, что я больше не справляюсь одна с мамой.

Она произнесла это слишком быстро, как будто слово «мама» могло смягчить просьбу, а слово «справляюсь» — сделать её разумной.

Мать жила одна. Недавно упала на кухне, обошлось без переломов, но после этого Лида стала заезжать к ней почти каждый день: купить продукты, отвезти на приём, проверить лекарства, позвонить в поликлинику. Сестра Катя приезжала по выходным, иногда оставалась на ночь. Лида знала, что Катя тоже устает. Знала — и всё равно злилась, подсчитывая про себя, сколько раз за неделю была у мамы каждая из них.

Перед разговором Лида спросила совета у друзей. Один сказал: «Поставь границу. Ты не обязана быть круглосуточной службой поддержки». Другая предупредила: «Только не начинай с претензий. Семья не планёрка». Коллега предложил составить расписание и раздать обязанности. Тётя посоветовала не поднимать старые счёты, потому что «сестра всё равно услышит только упрёк». Ещё одна знакомая написала: «Сначала спроси, что Катя сама может взять на себя».

Каждый совет был убедительным. Каждый тянул в свою сторону. К вечеру Лида уже не понимала, как просить о помощи так, чтобы одновременно не давить, не обвинять, не выглядеть слабой, не вызвать обиду и не согласиться снова делать всё самой. Она хотела найти правильную формулировку, которая гарантировала бы правильный ответ сестры.

— Вон там есть ваша гарантия, — сказала Марина Павловна и указала на длинный стол у окна.

На столе лежала подборка книг с бумажной табличкой: «События, которых не было». Рядом стояла коробка с карточками и несколько карандашей, соединённых с подставкой бечёвкой. На каждой карточке были строки: «Название истории», «Моя первая реакция», «Мой вопрос», «Связь с моей жизнью».

Лида прочитала табличку.

— Это отдел художественной литературы?

— Это небольшой проект читального клуба, — объяснила Марина Павловна. — Мы собираем книги, в которых ничего из описанного на самом деле не случилось. Как ни странно, люди часто находят в них поводы подумать о том, что происходит с ними самими.

— То есть я должна решить свою настоящую проблему с помощью вымышленной?

— Не решить. Посмотреть. Это разные глаголы.

Лида усмехнулась. Она пришла за ответом, а ей предложили глагол, который ничего не обещал.

— Но если события выдуманы, какой в них смысл?

— Они не доказательство и не инструкция, — сказала библиотекарь. — Никто не обязан поступать как герой романа. Но история может показать вам несколько способов смотреть на ситуацию. Иногда полезнее заметить свой вопрос, чем получить чужой ответ.

Она говорила спокойно, не как человек, которому известно, что делать Лиде завтра, а как человек, который не собирался притворяться, будто знает.

Лида подошла к столу. На обложках теснились незнакомые названия. Её взгляд задержался на книге «Комната забытых вещей». Под названием стояла фамилия автора, которую она никогда не слышала. На обложке была нарисована маленькая железнодорожная станция и окно, за которым виднелся дождь.

— Почему именно эта? — спросила Марина Павловна.

— Не знаю. Наверное, потому что я уже сегодня промокла.

— Отличное начало.

Лида взяла книгу и села у окна. Карандаш был заточен до аккуратного конуса. Она провела пальцем по шероховатой карточке и вдруг ощутила себя школьницей, которой дали задание, но не сказали, какой ответ считать правильным.

Книга рассказывала о станции в вымышленном городке Сосновый Порт. В комнате забытых вещей годами хранились зонты, варежки, ключи, книги, детский ботинок и термос с вмятиной. Комнату сторожила Дара — сотрудница станции, которая верила, что у каждой вещи есть хозяин и однажды он вернётся.

Когда начальник станции приказал освободить помещение, Дара отказалась выбрасывать вещи. Она выставила их на стол в зале ожидания и прикрепила объявление: «Заберите своё». Кто-то забрал шарф и не вспомнил Дару поблагодарить. Кто-то рассердился, что она не сохранила давно потерянный зонтик. Один мальчик нашёл красную варежку и сказал, что вторая давно ему мала.

Дара оставила себе несколько коробок. На следующий день начальник спросил, почему она не выполнила приказ. Дара ответила, что не может решить за всех, что важно, а что пора отпустить. В финале она перенесла оставшиеся вещи в маленький шкаф у входа, но больше не стала отвечать за них одна: в объявлении появилась просьба к жителям помогать разбирать находки раз в месяц.

История закончилась. Ничего особенного не произошло. Никто не спас город, не раскрыл семейную тайну, не пережил чудесного превращения. Вымышленная женщина оставила вымышленные вещи в вымышленной комнате и попросила других участвовать.

Лида захлопнула книгу.

Первой пришла раздражённая мысль: Дара сама виновата. Если она годами всем говорила, что сохранит каждую потерянную вещь, почему теперь удивляется, что от неё этого ждут?

Лида записала эту фразу на карточке, потом поморщилась. Получилось сердито. Она хотела написать что-нибудь достойное, например: «Героиня сталкивается с трудностями установления границ». Но это звучало так, будто карточку заполнял человек с папкой и презентацией.

Она оставила первую реакцию как есть.

Марина Павловна подошла, чтобы забрать с соседнего стола стопку книг.

— Вы осуждаете Дару? — спросила она.

— Пока да.

— Хорошо.

— Почему хорошо?

— Потому что это ваша первая реакция. Ей необязательно быть великодушной.

Лида снова посмотрела на книгу. Её раздражало, что Дара продолжала хранить чужие вещи, но ещё сильнее раздражало, что люди считали это естественным. Дара не просила их помочь, а потом сердилась, что никто не догадался. Лида знала эту логику. Она и сама часто молчала, пока не начинала ждать, что близкие заметят её усталость без слов.

Карандаш застучал по карточке. В пустой графе «Мой вопрос» Лида сначала написала: «Как правильно поговорить с Катей?» Посмотрела на слова и зачеркнула их.

Этот вопрос был похож на попытку найти волшебную кнопку. Нажать — и сестра не обидится, не разозлится, не напомним, что у неё самой работа и дети. Лида хотела не столько подобрать удачные слова, сколько заранее отменить неопределённость. Если бы существовал авторитетный совет, которому можно было бы подчиниться, то и результат будто бы перестал бы быть её ответственностью.

Она могла бы сказать: «Мне посоветовали вот так». Или: «Я прочитала, что надо ставить границы». Даже если разговор вышел бы тяжёлым, виноват оказался бы совет. Не она. Не Катя. Не сложившаяся ситуация. Просто инструкция не сработала.

Лида посмотрела на зачёркнутую строку. Потом написала ниже: «Как попросить Катю о конкретной помощи, не превращая разговор в суд и не обещая снова всё взять на себя?»

Вопрос не гарантировал, что Катя согласится. Он даже не гарантировал, что Лида сумеет произнести его спокойно. Зато в нём находилось то, что она действительно хотела решить.

На карточке оставались ещё две строки. Лида написала название книги: «Комната забытых вещей». В графе первой реакции указала: «Раздражение. Дара сама взяла всё на себя и ждёт, что другие догадаются». Под вопросом добавила связь с собственной жизнью: «Я тоже молчу, пока не начинаю считать, кто сколько сделал. Хочу попросить о ясной договорённости насчёт мамы».

Она перечитала запись. Это не было решением. Но впервые за весь день Лида увидела, что её тревожит не только предстоящая ссора. Ей хотелось, чтобы помощь сестры стала не случайным одолжением, за которое нужно быть благодарной, а общей ответственностью. Она не знала, возможно ли это. Но теперь хотя бы знала, о чём собирается говорить.

— Книга подсказала, что сказать? — спросила Марина Павловна.

— Нет.

— Жаль?

Лида подумала.

— Нет. Если бы подсказала, я бы всё равно стала проверять, правильный ли совет.

Библиотекарь кивнула, словно это был вполне достойный ответ, хотя и не окончательный.

В этом и состояла разница между историей и инструкцией. Инструкция старается провести человека от пункта А к пункту Б по заранее проложенному маршруту. Художественная история может просто поставить рядом две двери и дать возможность заметить, к какой из них тянется рука. Герой не обязан быть образцом. Его поступок не обязан оказаться единственно верным. Читатель может сердиться на него, сочувствовать, спорить с автором, узнавать в персонаже себя или, наоборот, человека, от которого давно хотел бы отдалиться.

Вымышленное событие не становится правдой только потому, что оно задело. Дара не была доказательством того, как нужно заботиться о близких. Но её история оказалась удобным местом, где Лида смогла рассмотреть собственную привычку: брать на себя больше, чем просили, а потом ждать, что остальные догадаются, сколько это стоило.

В реальной жизни такой опыт часто трудно исследовать без риска. Разговор с сестрой уже несёт последствия: можно услышать отказ, столкнуться с обидой, сказать лишнее. История позволяет задержаться перед этим шагом. Можно заметить свою первую реакцию, спросить, откуда она взялась, примерить несколько возможных взглядов. Не чтобы выбрать идеальный, а чтобы не принять первый за единственный.

Лида дописала на карточке последнее слово и провела по нему пальцем. Графит слегка размазался. Она прикрепила карточку к кольцу других читательских реакций, оставленных участниками клуба. Там были записи о романе, который кого-то рассмешил и кого-то разозлил; о рассказе, после которого женщина позвонила отцу; о повести, где читатель узнал собственное упрямство и не слишком обрадовался знакомству.

На выходе Лида остановилась у стойки.

— Можно взять карточки домой?

— Конечно. Только карандаш верните, — сказала Марина Павловна. — Он у нас один на всех. Это не символ, просто бюджет.

Лида засмеялась. Она взяла несколько чистых карточек и положила их в сумку рядом с телефоном, в котором всё ещё хранились противоречивые советы знакомых.

На улице дождь почти закончился. Лида не придумала идеальной фразы для Кати. Зато набросала первые слова: «Я хочу поговорить о том, как мы будем помогать маме. Я устала справляться одна и хочу понять, что каждая из нас может взять на себя». Это звучало не безупречно. Зато это была не попытка угадать чужую реакцию, а начало собственного разговора.

Потом она добавила ещё одну мысль: спросить Катю, как та видит ситуацию. Не из вежливого расчёта и не потому, что советы знакомых запрещали начинать с упрёка. А потому что у сестры тоже была жизнь, о которой Лида знала не всё.

Дома Лида положила чистые карточки на кухонный стол. В первой строке написала: «История, которая меня задела». Она пока не выбрала, какую именно. Может быть, ту самую сказку из детства, где героиня однажды ушла из дома и никто не пошёл её искать. Может быть, фильм, который она смотрела дважды, хотя финал сердил её оба раза. Важно было не найти самую умную книгу. Важно было вспомнить историю, которая почему-то осталась внутри.

Попробуйте и вы: вспомните рассказ, фильм, роман или сказку, которая когда-то вас задела. Запишите название, первую возникшую эмоцию, вопрос, который история оставила, и то, с чем в вашей нынешней жизни этот вопрос перекликается. Не ищите правильного толкования. Начните с того, что осталось.

Иногда вымышленной истории достаточно, чтобы в настоящей жизни появился честный вопрос. А с него начинается не готовый ответ, а возможность выбирать.

Библиотека неправильных ответов: зачем нам вымышленные истории

Лида записала в блокнот название истории, которая задела её, а потом зачеркнула. Слишком громко прозвучало: «задела». Она ещё не была уверена, что рассказ имеет к ней какое-то отношение. В нём шла речь о городе, которого не существовало, и о правиле, которого никто в здравом уме не придумал бы.

Каждое утро жители Чередени обязаны были менять профессию.

Лида нашла этот рассказ в старом сборнике, который принесла домой подруга Аня. Обложка пахла пылью и сырой бумагой, а корешок хрустнул, когда Лида раскрыла книгу на середине. Прочитала страницу, другую, усмехнулась и отложила.

— И зачем это читать? — спросила она, когда Аня зашла за сборником. — Такого не бывает.

— Какого именно? — Аня сняла мокрый шарф и повесила его на крючок. — Города? Указа? Или того, что людям страшно ошибиться?

— Все сразу. Если ничего подобного не происходило, что история может объяснить?

Аня не ответила сразу. В прихожей капала вода с её рукавов. На кухне щёлкнул чайник.

— Может, она ничего не объясняет, — сказала Аня. — Может, просто даёт странное место, из которого легче посмотреть на знакомое.

— Удобная формулировка.

— Возможно. Но ты же дочитала?

Лида посмотрела на книгу. Она действительно дочитала. И теперь помнила не весь сюжет, а один его образ: девочка с картой, которая не помещалась в карман.

Город Чередень стоял на трёх холмах между рекой и пустошью. Его дома были узкими, с разноцветными дверями и медными табличками над входом. На одних значилось «Пекарь», на других — «Судья», «Проводник», «Часовщик». Но надписи менялись каждое утро.

На рассвете городские часы били семь раз. Жители снимали с двери вчерашнюю табличку, шли на площадь и опускали её в мраморную чашу. Затем вытаскивали новую. Таков был закон: никто не мог заниматься одной и той же профессией два дня подряд. Даже если вчера человек был учителем, сегодня ему могло достаться звание трубочиста, а завтра — садовника при ратуше.

Никто не помнил, кто придумал это правило. В городском архиве хранился указ с выцветшей печатью, но на месте подписи зияла дырка от моли.

Героиню рассказа звали Ива. Ей было четырнадцать, и она мечтала составлять карты. Не потому, что считала картографов важнее остальных. Ей нравилось, как на пустой бумаге возникают река, мост, поворот тропы; как расстояние можно не только пройти, но и увидеть целиком. Однажды Ива нарисовала карту дороги от дома до старого маяка. Потом добавила к ней дорогу, которой ещё не существовало.

Её мать работала картографом в тот редкий год, когда такое вообще допускалось. Но Ива знала: в Чередени должность никогда не становилась судьбой. Утром мать могла чертить береговую линию, а на следующий день — торговать яблоками или считать городских гусей.

В понедельник Ива вытянула табличку «Продавец хлеба». Во вторник — «Смотритель тумана». В среду — «Переписчик чужих писем». Её карта оставалась под кроватью, завернутая в кусок полотна. Она доставала её по вечерам, когда в доме стихали голоса и часы переставали отсчитывать до следующего распределения.

А потом пришёл день большого разлива. Река подмыла старый мост, и вода затопила нижнюю улицу. Иве досталась табличка «Дежурная у маяка». Она знала только, где находится маяк, потому что сама когда-то нарисовала к нему дорогу.

В рассказе не было ни внезапного открытия, ни торжественного возгласа. Ива поднялась на башню, увидела с высоты, как вода отрезает квартал от площади, и вспомнила свою карту. Позвала людей. Одному достался знак «Каменщик», хотя вчера он месил тесто. Другой, вчерашний музыкант, умел обращаться с верёвками, потому что в детстве учился у отца. Вместе они нашли сухой обход к мосту и укрепили его настолько, чтобы жители успели перебраться на высокий берег.

Никто не объявил Иву спасительницей города. На следующий день ей выпала табличка «Сборщица ракушек». Мост всё ещё стоял, но карта осталась незаконченной. В последней сцене Ива свернула её, положила под матрас и спросила у младшего брата:

— Если на карте нет края, это значит, что я плохо её нарисовала?

Брат пожал плечами. За окном часы начали бить семь.

Лида закрыла книгу. Она ожидала, что рассказ закончится побегом, бунтом или отменой нелепого закона. Вместо этого героиня осталась в городе. Ива не получила навсегда профессию картографа, не доказала, что только её мечта имеет значение, и не нашла безошибочного ответа на вопрос о собственном будущем. Рассказ оборвался прежде, чем стало ясно, что она сделает завтра.

И всё-таки именно эта незавершённость не отпускала Лиду.

На работе у неё лежало письмо с предложением перейти в мастерскую по реставрации книг. Не сразу и не на прежних условиях: сначала обучение, потом неполная ставка, зарплата ниже. Лида много лет занималась финансовыми отчётами и умела находить ошибку в длинной таблице быстрее, чем коллеги успевали допить кофе. Но старые книги она любила с детства — особенно те, у которых страницы были потёрты на сгибах, словно их часто открывали в одном и том же месте.

На ответ у неё оставалось три дня.

Мать говорила: «Надёжную работу не бросают ради увлечения». Коллега говорил: «Если не попробуешь, будешь жалеть». Подруга — та самая Аня — советовала не превращать решение в экзамен на правильную жизнь. Лида слышала каждую фразу и втайне надеялась, что какая-нибудь из них окажется окончательной.

Вместо этого её зацепила девочка из несуществующего города.

— Ты увидела в Иве себя? — спросила Аня.

Лида хотела ответить «нет», но остановилась.

— Я не живу в городе, где мне каждое утро выдают чужую профессию.

— Это правда.

— И у меня не затопило мост.

— Тоже правда.

Лида помолчала, погладила большим пальцем шершавый край страницы.

— Но я злюсь, когда ей достается что угодно, кроме того, что она хочет. И завидую, что она хотя бы знает, чего хочет.

— А сама?

— Я хочу, чтобы решение оказалось правильным. Не просто попробовать, а сразу понять: вот оно, моё.

Вот здесь вымышленный город подвинулся ближе. Не потому, что обстоятельства Лиды совпадали с обстоятельствами Ивы. Между ними оставалась целая река различий. Но нелепое правило рассказа увеличило один знакомый Лиде контур: страх, что выбор окажется не тем и обнаружит её неспособность устроить собственную жизнь.

Литературный сюжет не становится правдивым оттого, что читатель узнаёт в нём себя. И узнавание не доказывает, что автор «имел в виду» именно то, о чём думает читатель. Одна и та же история может оставить одного человека равнодушным, другого — рассмешить, третьему напомнить семейный конфликт или тревогу перед переменами. У рассказа нет обязанности действовать на всех одинаково.

Чтобы не смешивать фантазию с биографией, полезно разделить чтение на три слоя.

Первый — что буквально произошло в вымышленном мире. В Чередени действует закон ежедневной смены профессий. Ива хочет рисовать карты. Во время разлива она применяет свои знания, помогает найти обходной путь и прячет незаконченный лист под кровать.

Второй — что почувствовал читатель. Лида ощутила раздражение из-за принудительных назначений, зависть к ясному желанию Ивы и облегчение от того, что героиня не обязана немедленно решить всю жизнь. Это уже не перечень событий, а её реакция: в том числе телесная, мгновенная, не всегда логичная.

Третий — с чем переживание может перекликаться в реальности. Например, с ощущением, будто окружающие ждут от Лиды одного «правильного» выбора; с её страхом ошибиться; с надеждой, что работа наконец назовёт её настоящей. Здесь важно слово «может». Связь — не разгадка рассказа и не диагноз читателю. Это приглашение проверить, подходит ли найденная мысль.

Три слоя можно записать в таблицу. Лида завела для неё новую страницу и заполнила несколько строк:

Событие в вымышленном мире

Моя реакция

Возможная связь с реальностью

Каждое утро жители Чередени получают новую профессию
Возмущение: никто не может сам распорядиться своим днём
Я боюсь, что решение за меня примут ожидания семьи или обстоятельства

Ива хочет рисовать карты, но получает другие занятия
Зависть и сочувствие

Мне кажется, что прежде, чем начать новую работу, нужно быть уверенной в ней на сто процентов

Ива использует карту во время разлива, но не получает картографию навсегда
Облегчение, а следом тревога
Одно удачное действие ещё не решает вопрос о смене профессии

Незаконченная карта остаётся под кроватью
Нежность и раздражение: хочется, чтобы история сказала больше
Возможно, я ищу у вымышленного финала разрешение, которого не могу дать себе сама

Последняя строка заставила Лиду остановиться. Она уже собиралась написать: «Ива не хочет подчиняться закону». Но рассказ не сообщал этого прямо. Ива прятала карту. Она продолжала рисовать. Она помогала во время разлива. Что именно она чувствовала, читателю не было известно.

Возможно, Ива мечтала покинуть Чередень. Возможно, хотела рисовать карты, но не считала нужным превращать желание в профессию. Возможно, ей нравилась смена занятий, а карта была личным делом, которое не требовало объяснений. Лида выбрала первое толкование,

потому что оно совпадало с её собственным страхом оказаться в ловушке. Это не делало её толкование неправильным. Но напоминало: иногда мы слышим в герое свой голос и принимаем его за голос автора.

Для самостоятельного чтения не требуется становиться литературоведом. Достаточно на время удержать рядом три простых вопроса: что произошло, что я почувствовал и о чём это заставило меня подумать. Можно добавить ещё два: что в тексте действительно сказано о мотивах героя и что я достроил сам? Есть ли другое объяснение его поступка?

А затем проверить границу аналогии.

Вымышленный город принуждает жителей к ежедневной смене профессии. Лида может выбирать, хотя её выбор ограничивают деньги, опыт, обязательства и ожидания близких. В рассказе есть правило, часы и волшебное устроенный город; в реальности — договоры, обучение, рынок труда и последствия, которые не исчезают после следующего звонка. Поэтому историю нельзя использовать как доказательство, что Лиде следует увольняться. Нельзя и заключить, что, раз Ива сохранила карту, всякий человек обязан превратить любимое занятие в работу.

Но рассказ может помочь заметить вопрос, который раньше прятался за более громким: «Как выбрать правильно?» Возможно, Лида спрашивает не только о новой профессии. Возможно, ей важно понять, почему она ждёт от работы окончательного подтверждения собственной ценности. А может быть, это не её главный вопрос — и, обдумав, она сформулирует другой. История не обязана выбирать за неё.

Вымысел полезен не потому, что сообщает скрытые факты о нашей жизни. Он предлагает образ, который можно рассмотреть со всех сторон, не торопясь объявлять его точной копией реальности. Удалённый город иногда позволяет подойти к личному переживанию на безопасное расстояние: увидеть его форму, назвать свою реакцию и проверить, где сходство заканчивается.

Лида не подписала письмо в ту же ночь. Она снова прочитала финал рассказа, на этот раз медленнее, и заметила, что Ива не отвечает брату. Карта лежит под матрасом, часы бьют, а вопрос остаётся вопросом. На полях Лида написала: «Моя ли это история — ещё не знаю». Потом добавила: «Но теперь я знаю, о чём хочу себя спросить».

Для разбора истории, которая осталась с вами, можно использовать такую таблицу:

Шаг

Вопрос для самостоятельного анализа

Событие

Что буквально случилось в вымышленном мире? Запишите факты сюжета без объяснения мотивов героев

Реакция

Что я почувствовал во время чтения? Где это отозвалось в теле и какой момент вызвал сильнейшую реакцию?

Личное узнавание

С какой темой моей жизни это может перекликаться? Сформулируйте связь как предположение, а не окончательный вывод

Текст и проекция

Что история прямо сообщает о мыслях героя, а что я ему приписываю? Как можно объяснить его поступок иначе?

Граница аналогии

Где сходство между вымышленной ситуацией и моей реальностью перестаёт работать? Какие реальные обстоятельства в рассказе отсутствуют?

Следующий вопрос

Какой честный вопрос о себе возник после чтения, даже если история не дала на него ответа?

Какая ситуация в вашей жизни может перекликаться с этой историей? Сформулируйте связь как предположение, а не окончательный вывод.

Так вымысел становится не точным зеркалом, а поводом внимательнее взглянуть на себя: заметить собственные ожидания, страхи и привычные способы судить — и проверить, где сходство с реальностью заканчивается. История может подсказать вопрос, но не вправе решать за читателя.

В этом и ценность вымышленных сюжетов: примерить чужой опыт, не объявляя его своим, и вернуться к собственной жизни с большей ясностью. Чтобы это чтение было бережным и честным, важно научиться входить в чужую судьбу, не принимая её за инструкцию.

Войти в чужую судьбу, не принимая её за инструкцию

Лида вошла в библиотеку с таким видом, будто собиралась сдать на хранение не книгу, а чужое преступление.

— Мне нужен рецепт, — сказала она, положив на стойку блокнот. — Один. Надёжный. Для разговора с коллегой.

Библиотекарь Илья Сергеевич поднял глаза от карточек каталога.

— Рецепт какого рода? Сначала выслушать, потом сказать нужную фразу, потом получить нужный результат?

— Именно. У нас завтра встреча с заказчиком. Миша снова собирается представить мою идею как свою. Я хочу остановить его так, чтобы он больше не повторял, а я не выглядела мелочной и не испортила работу всей команде. Есть готовая формулировка?

Илья Сергеевич снял очки и аккуратно протёр их краем жилета. Это было его любимое занятие, когда вопрос требовал не ответа, а осторожности.

— Готовая формулировка, которая одновременно остановит коллегу, сохранит отношения, защитит вашу репутацию и обеспечит успех проекта? В каталоге такого нет. Вероятно, книгу с таким названием уже купили бы, но только один раз.

Лида не улыбнулась.

— Я серьёзно.

— Я тоже. Прямой совет может быть полезен. Но его польза зависит от того, что именно происходит, кто присутствует, чего вы хотите добиться и чем готовы рискнуть. Если пропустить эти мелочи, совет становится похож на чужое пальто: с виду вещь приличная, а рукава почему-то заканчиваются у локтей.

— Значит, вы не знаете, что мне сказать.

— Знаю, что можно попробовать сначала не говорить за вас.

Он исчез между стеллажами и вернулся с тонкой книгой в серой обложке. На ней не было ни названия, ни имени автора, только круглый след от чашки.

— Прочитайте одну историю. Там есть коллега, который присваивает чужую идею. И есть героиня, которая отвечает ему прямо.

— Это совет?

— Нет. Это история. Не путайте.

Лида открыла книгу.

Вера придумала для выставки городской библиотеки карту звуков. Посетители должны были нажимать на старые точки на плане города и слышать короткие записи: трамвайный звонок, скрип ворот, утренний крик торговца яблоками, голос женщины, которая сорок лет открывала районную читальню. Не справочник о том, что город помнил, а возможность услышать, как он звучал.

В понедельник Вера показала набросок Павлу, коллеге из отдела проектов. Она объяснила, что звуковая карта позволит посетителям «не прочитать историю города, а войти в неё ухом». Павел кивнул и попросил прислать файл.

В среду он открыл презентацию перед заказчиком.

— Мы подумали о звуковой карте, — сказал он. — Посетители смогут услышать старый город через его повседневные шумы.

На экране появилась карта Веры. В углу стоял логотип отдела, но её имени нигде не было. Заказчица наклонилась к экрану.

— Вот это и правда живое решение. Павел, как вам пришла в голову такая идея?

Вера ощутила, как к лицу поднимается жар. Она могла промолчать и позже поговорить с Павлом. Могла дождаться конца презентации. Могла уточнить, что разработка принадлежит команде. Вместо этого она сказала:

— Это не его идея. Это моя. Я рассказала Павлу о ней в понедельник, а сейчас он выдаёт её за свою.

В комнате стало тихо. Павел перестал листать слайды.

— Я не выдаю её за свою, — сказал он. — Я представляю проект. Мы же работаем вместе.

— Тогда почему ты сказал «мы подумали», а не назвал меня?

Вера услышала собственный голос и одновременно заметила, как он меняется: становится тоньше, быстрее, почти звенит. Заказчица закрыла блокнот. Руководитель проекта кашлянул и предложил вернуться к презентации.

Встречу закончили на двадцать минут раньше. После неё Павел догнал Веру у лифта.

— Надо было поговорить со мной, а не устраивать сцену перед заказчиком.

— Надо было указать, чья идея.

— Мы теперь все будем перечислять, кто какую фразу придумал?

— Если ты каждый раз будешь присваивать мою работу, видимо, да.

Павел отвернулся к дверям лифта. Когда они разъехались по этажам, Вера осталась с ощущением, что одновременно сказала правду и проиграла что-то важное. Но что именно — она пока не понимала.

Лида подняла глаза от страницы.

— И что, дальше она жалеет?

— Читайте, — сказал библиотекарь.

История продолжалась.

Вечером Вера открыла переписку с Павлом. В понедельник она действительно отправила ему файл с наброском и написала: «Посмотри, может, из этого что-нибудь выйдет». Он ответил: «Забираю в работу». Эта фраза показалась ей обычной, пока она не увидела свою карту на экране без подписи.

Она попыталась вспомнить, что хотела получить, когда заговорила на встрече. Сначала ей казалось — справедливость. Потом она поняла, что хотела, чтобы Павел испытал ту же неловкость, которую испытала она, когда заказчица похвалила его. И ещё хотела, чтобы заказчица услышала её имя. А больше всего боялась, что если промолчит, то в следующий раз Павел уже не попросит файл, а просто перестанет замечать её вклад.

На следующий день Вера написала руководителю проекта. Она не извинялась за то, что поправила авторство, но признала, что выбрала момент, когда разговор уже шёл о презентации, а не о распределении работы. Попросила впредь указывать авторов концепций в материалах. Павлу она отправила отдельное сообщение: «Мне важно, чтобы ты называл мой вклад, когда представляешь разработанную мной концепцию. Если ты считаешь, что идея стала общей, давай обсудим, как именно она изменилась и кто над чем работал».

Павел ответил не сразу. В ответе было написано, что он не хотел её обидеть, что доработал идею, а потом — «в любом случае давай без публичных разборок». Вера перечитала последнюю фразу несколько раз. Она не поняла, была ли это попытка договориться или способ закрыть разговор. В календаре у неё появилась встреча с руководителем. На следующей презентации внизу слайда действительно стояли два имени, но заказчик всё равно спросил Павла, как он пришёл к идее. Вера заметила, что Павел на этот раз посмотрел на неё, прежде чем ответить.

На этом история обрывалась. Никакого объяснения, чему Вера научилась, в книге не было. Последняя страница заканчивалась сценой: она стояла у принтера, держала в руках новый слайд с двумя именами и слушала, как за стеной Павел смеётся над чьей-то шуткой.

Лида закрыла книгу.

— Мне не нравится, что ничего не разрешилось.

— Возможно, — ответил Илья Сергеевич. — Но разве в вашей жизни всё уже разрешилось?

— Нет.

— Тогда история хотя бы не притворяется, будто умеет за вас закончить чужой разговор.

— Вера сама всё испортила. Надо было поговорить с ним до встречи.

— Может быть. А если бы она промолчала на встрече, и её вклад снова не назвали, это тоже могло бы что-то испортить. Вы заметили, что история не говорит: «Будьте резкими» или «Всегда обсуждайте наедине»?

Лида помолчала.

— Она показывает, что получилось.

— И что привело к этому. Готовый совет часто пропускает именно эту часть. Он звучит коротко: «Скажите прямо», «Не делайте из этого проблему», «Обсудите лично». А между фразой и результатом находятся люди, их прошлый опыт, должности, характер отношений, документы, сроки и то, насколько вообще безопасно спорить. Советы не бесполезны. Просто иногда им недостаёт комнаты, в которой они должны сработать.

Илья Сергеевич достал из ящика лист бумаги и начертил шесть колонок.

— Попробуем не составить рецепт для Веры, а разобрать её выбор. Это можно сделать с любой историей и, осторожно, с собственным случаем.

В первой колонке он написал: «Цель».

— Чего Вера хотела добиться? — спросил он.

— Чтобы Павел назвал её автором. Чтобы он перестал так делать.

— Ещё?

Лида посмотрела в потолок, словно ответ мог быть напечатан на светильнике.

— Чтобы заказчица знала, что идея её. И чтобы не казалось, будто она просто не умеет делиться.

— Хорошо. У поступка часто несколько целей, и они не всегда ладят между собой. Вера хотела восстановить авторство, остановить повторение и сохранить лицо перед заказчиком. Но выбранный момент помог одним целям и помешал другим.

Во второй колонке появилось слово «Страх».

— Чего она боялась?

— Что её вклад исчезнет. Что если она не возразит, так будет всегда. И, кажется, боялась выглядеть слабой.

— Да. А ещё боялась быть названной сложной. Обратите внимание: цель отвечает на вопрос «чего я хочу?», страх — «чего я не хочу допустить?». Иногда поступок лучше объясняется не целью, которую человек произносит вслух, а опасностью, от которой он пытается защититься.

Илья Сергеевич заполнил третью колонку: «Доступные сведения». Тут Лида остановила его.

— Это не в самой матрице.

— В матрице есть то, что вы будете писать. А перед этим полезно спросить, что персонаж знал, а чего не знал.

Они перечислили: Вера знала, что придумала концепцию; знала, что отправила Павлу файл; видела, что он представляет её заказчику. Но не знала, как Павел объяснял себе происходящее, считал ли он идею общей после доработок и осознавал ли, что не упомянул её намеренно. Не знала и того, что заказчица услышала в её публичном возмущении: защиту авторства или конфликт внутри команды.

— Это не оправдывает Павла, — сказал Илья Сергеевич. — Не знать его мотивов не значит отрицать наблюдаемые действия. Но если мы подменяем неизвестное догадкой, то начинаем спорить уже не с человеком, а со своей версией человека.

В четвёртую колонку они внесли действие: Вера публично назвала идею своей и обвинила Павла в том, что он выдаёт её за собственную.

В пятую — последствия. Заказчица услышала о разногласии. Встреча закончилась раньше. Павел стал защищаться и перевёл разговор на форму её возражения. Вера обозначила границу и не оставила свой вклад безымянным. После этого появился шанс договориться о правилах авторства, но сама договорённость осталась неполной.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.